

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.309.325>

ЕЩЕ РАЗ О ЖЕНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЯХ С ЮВЕЛИРНЫМИ ИНСТРУМЕНТАМИ ИЗ МУРОМСКИХ МОГИЛЬНИКОВ НИЖНЕГО ПООЧЬЯ

©2024 г. О.В. Зеленцова

Погребения женщин с инструментами для литья являются яркой особенностью финно-угорских древностей эпохи раннего средневековья. Они известны в могильниках мурома, мордвы, марийцев в V–IX вв. н.э. Этот феномен попал в поле зрения исследователей еще в середине прошлого века и стал основой для выводов о том, что ювелирным ремеслом у этих племен занимались женщины. Целью настоящей статьи стал анализ новых подобных захоронений из Подболотьевского могильника и определение места этих женщин в муромском обществе. Типологический анализ наиболее часто встречающегося предмета – глиняных льячек, позволил выделить ранние виды этого инструмента, а находка в погребении льячки с железным стержнем, позволила определить назначение этих предметов, которые часто встречаются в таких комплексах, как ручек, которые вставлялись во втульчатое отверстие и, удлиняя ручку льячки, делали горячие операции безопасными. Прослежена динамика изменений в погребальной обрядности и составе инвентаря таких погребений, что позволило сделать вывод, что на рубеже I–II тысячелетий в муромском обществе происходят изменения, в которые оказались вовлечены и литейщицы. Наличие монет в погребениях, выступающих как платежное средство, а также находки в составе литейных комплексов инструментов для взвешивания позволяют высказать предположение, что литейщицы в это время втягиваются в товарные отношения. Особое положение этих женщин в обществе и, вероятно, страх перед ними, приводило к тому, что после смерти с их останками выполнялись определенные ритуалы, которые мы фиксируем в виде разрушений изголовья погребенной.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поочье; раннее Средневековье; поволжские финны; мурома; ювелирное производство; литейные принадлежности; погребальный обряд, женщины-литейщицы.

ONCE AGAIN ABOUT WOMEN'S BURIALS WITH JEWELRY TOOLS FROM THE MUROMA BURIAL GROUNDS IN THE LOWER OKA REGION

O.V. Zelentsova

Burials of women with casting tools are a striking feature of the Finno-Ugric antiquities of the early Middle Ages. They are known in the burial grounds of the Muromians, Mordvins, Mari people in the V–IX centuries AD. These findings allowed the researchers to conclude that the women of these tribes were engaged in jewelry craft. The purpose of this article is to analyze new similar burials from the Podbolotyevo burial ground and determine the place of these women in Muroma society. A typological analysis of the most common objects – clay ladles for pouring molten metal, allowed us to identify the early types of this instrument, which have been used since the VI century. The discovery of a clay ladle with an iron rod in the burial, which are often found together, made it possible to identify the rod as the ladle handle and served to perform safe heating operations. The dynamics of changes in the burial ritual and inventory of such burials are traced, which allowed us to conclude that at the turn of the III millennium, changes took place in Muroma society, in which female foundry workers were also involved. The presence of coins in the burials, acting as a means of payment, as well as finding weighing tools in the foundry complexes suggest that foundries at that time were involved in commodity relations. The special position of these women in society and, probably, the fear of them led to the fact that after their death certain rituals were performed with their remains, which we record in the form of destruction of the headboard of the deceased.

Keywords: archaeology, Lower Oka region, Early Middle Ages, the Volga Finns, the Muromians; jewelry making; foundry accessories; burial rite, female foundry workers

Женские захоронения с инструментами для литья у поволжских финнов эпохи средневековья давно привлекали внимание археологов и были темой специального исследования А.Л. Голубевой и Т.Б. Никитиной (Голубева, 1984; Никитина, Ефремова, 2012). Анализ всех известных погребений женщин-литейщиц у марийцев, мордвы и муромы позволил исследователям не только уточнить выводы А.Л. Голубевой, которые она высказала в своей статье 80-х годов прошлого века, но опровергнуть некоторые ее положения, а также дать новые интерпретации этим захоронениям (Голубева, 1984, с. 216–237). В частности, тезис о том, что в средневековом обществе учить ювелирному делу начинали уже девочек, который базировался на определении части муромских и мордовских погребений как детские не выдерживает критики в виду того, что антропологических исследований в момент раскопок Подболотьевского и Малышевского могильника не проводилось и при анализе приходилось опираться только на описание погребений, в то время как антропологические данные по марийским могильникам говорят о том, что ювелирным ремеслом занимались взрослые женщины (Голубева, 1988, с. 34; Никитина, Ефремова, 2012, с. 153–154).

Принципиально важным представляется вывод о социальной функции этих женщин в обществе. По мнению исследователей, они не просто занимались отливкой металлической нити и бисера для вышивки костюма, но еще выполняли роль хранительниц родовых традиций, врачевательниц и выполняли магические функции. Это нашло отражение в погребальном обряде, подчеркивающим особое положение погребенной и в погребальном инвентаре, который помимо полного убора украшений, включал «необычные» предметы – шилья, большее количество ножей, белемниты, мужские предметы – стрелы, кресала и пр. (Никитина, Ефремова, 2012, с. 162). К аналогичному выводу о высоком социальном статусе и особом положении литейщиц, в том числе в части исполнения магических ритуальных функций в обществе, пришла и Э.А. Савельева, анализируя такие захоронения нижневычегодском Чежтыягском могильнике XIII века (Савельева, 2023, с. 16).

Несмотря на то, что на основе археологических материалов сложно реконструировать

социально-культурные феномены в древних обществах, выводы исследователей представляются обоснованными, особенно с опорой на этнографические материалы, которые известны у марийцев и мордвы (Никитина, Ефремова, 2012а, с. 341).

Марийские исследователи для анализа привлекли все известные на тот момент погребения поволжских финнов, содержащие орудия для литья – это более 90 захоронений мордовских, 40 муромских и 24 из марийских могильников (Никитина, Ефремова, 2012, с. 149–150). Несмотря на такую обширную базу, основной упор был сделан на марийские могильники, которые находятся в центре научных интересов исследователей, а мордовские и муромские погребения привлекались как сравнительный и фоновый материал. Кроме того, большинство привлеченных для анализа погребений мордвы и муромы были раскопаны в начале – середине XX в., когда отсутствовали поло-возрастные антропологические определения, что внесло определенные затруднения в исследования.

Между тем исследования Подболотьевского могильника в 2012–2014 гг. дали новые погребения литейщиц, в ходе раскопок которых были прослежены некоторые особенности как в погребальном обряде, так и в сопровождающем инвентаре, что позволяет уточнить выводы предшественников и внести коррективы в интерпретации отдельных деталей обряда и инвентаря. Также задачей нового обращения к этим материалам стало рассмотрение динамики изменений в погребальной обрядности литейщиц во времени и уточнение места женщин с литейными принадлежностями в муромском обществе.

Для анализа мы опирались прежде всего на материалы 11 погребений с предметами, связанными с литейным производством из новейших раскопок Подболотьевского могильника и погребения из этого могильника (9 погребений), раскопанные В.А. Городцовым в начале XX в. (Городцов, 1914). Также привлечены материалы из недавно опубликованного Борисоглебского Iго (Бейлекчи, Бейлекчи, 2021, с. 228–241), Малышевского (19 погребений) (Дубынин. Отчеты), Чулковского (7 погребений) (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016) и по одному погребению из Нижне-Верейского (Уткин, Черников, 1992, с. 26–27), Корниловского и Пятницкого (Селез-

Таблица 1. Характеристика погребений с литейными принадлежностями из муромских могильников
Table 1. Characteristics of burials with foundry accessories from Murom burial grounds

№ п/п	№ погр.	сохранность	пол	возраст	лялька	ручка	форма	слиток	воск	гирьки	монеты	местоположение инструментов
1	П. 14	разрушено	ж		1	1						в изголовье
2	П. 16	разрушено	ж	16-22 л.	1	1						в изголовье
3	П. 37	разрушено	ж	20-25 л.	1	1		олово	1			в изголовье
4	П. 77	разрушено	ж		1	1						в изголовье
5	П. 106	не разрушено	м	ст. 30 л.	1	1			орех	4	4 фр.	в обл. левой голени
6	П. 116	разрушено	ж		1							в ногах
7	П. 122	разрушено	ж		1							выше уровнем, в голове
8	П. 123	разрушено	ж		1	1						в обл. пояса
9	П. 143	разрушено	ж	ст. 30 л.	1	1						в изголовье
10	П. 154	не разрушено	ж	30-39 л.	1	1	2,5	олова	1		2	в изголовье, лялька в тусесе
11	П. 172	не разрушено	м		1					3	3	в изголовье, с жен вещами в тусесе
12	П. 2 Г.	не разрушено	м		1		0,5					в ногах
13	П. 48 Г.	разрушено?	?		1							?
14	П. 69 Г.	не разрушено	ж		1		1					в изголовье
15	П. 95 Г.	не разрушено	ж		1							в обл. груди
16	П. 124 Г.	?	?		1							?
17	П. 129 Г.	разрушено?	ж		1							в ногах
18	П. 143 Г.	не разрушено	ж		1							в ногах
19	П. 149 Г.	не разрушено	?		1		1					в обл. пояса
20	П. 260 Г.	не разрушено	ж			пинцет		свинец				в ногах
21	М. 5	разрушено	ж		1				орех	3	2+18 фр.	в засыпке
22	М. 17	не разрушено	ж		1		1					в засыпке, в голове
23	М. 33	не разрушено	ж		1		1					в изголовье
24	М. 61	не разрушено	ж		1	1	1					в изголовье
25	М. 72	разрушено,	м/д		1			медь	орех		1	в изголовье с женс. вещами в тусесе
26	М. 76	не разрушено	ж		1	1						в изголовье
27	М. 86	разрушено	ж		1	1	1	олово	1		2	в изголовье
28	М. 93	разрушено	ж		1	1					2	в центр части
29	М. 100	разрушено	ж		1	1	1				3	в изголовье
30	М. 107	разрушено	ж		1	1						в обл. бедер
31	М. 127	разрушено	ж		1	1	0,5					?
32	М. 136	не разрушено	ж		1	1						в изголовье
33	М. 143	не разрушено	ж		1	1	2				1	в изголовье
34	М. 145	не разрушено	ж		1							в обл. колен
35	М. 167	не разрушено	ж		1	шило	1					в изголовье
36	М. 176	сожж	ж		1		1					в горшке в изголовье
37	М. 193	сожж	ж		1	2 шила	2				1	в центральной части
38	М. 197	сожж	ж		1			шлак				в центральной части
39	М. 216	не разрушено	ж		1	шило	1					в изголовье
40	Ч. 24	не разрушено	ж		1		1	олово				в ногах
41	Ч. 29	не разрушено	ж		1	1	1	олово				в ногах
42	Ч. 30	не разрушено	ж		1	1	1	олово				в изголовье

Таблица 1. Характеристика погребений с литейными принадлежностями из муромских могильников (продолжение)
Table 1. Characteristics of burials with foundry accessories from Murom burial grounds

43	Ч. 35	не разрушено	ж					1					в ногах
44	Ч. 50	не разрушено	ж	1				1					в изголовье
45	Ч. 53	разрушено	ж	1				1					в ногах
46	Ч. 62	не разрушено	ж	1			1	1	сер. стружка				в ногах
47	К. 9	разрушено	ж					2					?
48	НВ. 9	не разрушено	ж	1									в ногах
49	Пя. 7	не разрушено	?					1					в обл. пояса
50	Б. 1	ограблено	ж	1				1					в ногах
Итого погр.	20/26/4		42/4/4	41	18	25	10	3	3	3			20/12/9*

* в изголовье/в ногах/в центр. части

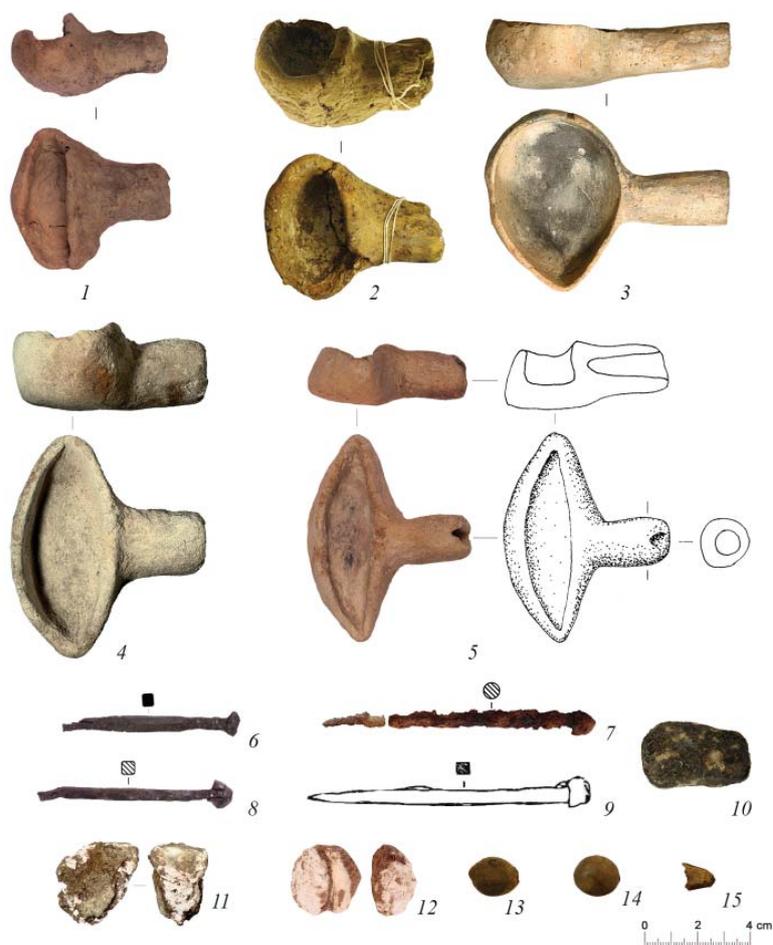
Подболотьевский – П., Подболотьевский из раскопок В.А. Городцова – П. №. Гор., Борисоглебский 1 – Б., Малышевский – М., Чулковский – Ч., Нижневерейский – НВ., Корниловский – К., Пятницкий – Пя;

нев, 1926, с. 26–27, 3839) могильников¹ (табл. 1). Всего выборка включает 50 погребений из 7 муромских могильников, которые суммарно датируются V–IX вв.²

Еще со времен Б.А. Рыбакова замечено, что литейные принадлежности у поволжских финнов присутствуют в женских погребениях, что позволило сделать вывод о том, что ювелирным производством занимались женщины (Рыбаков, 1948, с. 9094). Это позднее было подтверждено исследованиями Л.А. Голубевой, собравшей все известные на тот момент женские захоронения литейщиц (Голубева, 1984, с). В нашей выборке из 50 захоронений 42 принадлежали женщинам, четыре погребения неопределенные и четыре мужские. Антропологические определения нами получены для четырех индивидов из последних раскопок Подболотьевского могильника³. Все погребенные были половозрелыми женщинами – две (пп. 16 и 37) имели возраст 16–22 и 20–25 соответственно, две другие из погребений 143 и 154 были немного постарше – старше 30 и в промежутке 30–39 лет.

К предметам литейного производства в могильниках муромы относятся глиняные льячки, каменные формочки, слитки металла и куски воска. Льячки присутствуют в 41 женском погребении (93% от женских захоронений исследуемой выборки), из них в 17 вместе с льячками найдены формочки, а в 17 только льячки (по 38,6%). Только в 9% захоронений (4 погребения) присутствовали три предмета – льячки, формочки и металлические слитки. В двух погребениях литейные принадлежности представлены только формочками, а в одном (П. 260Гор) был найден только слиток свинца. Таким образом, основным предметом, символизирующим принадлежность погребения к литейному производству, являются глиняные льячки.

Все льячки имеют форму ковшика, и еще Л.А. Голубева отмечала, что муромские льячки достаточно однотипны – с овальной или приближенной к эллипсу формой ковшика (Голубева, 1984, с. 84). Расширение базы данных и внимательный визуальный анализ материала позволяет уточнить типологические определения предыдущих исследователей. Так две льячки из рассматриваемой коллекции круглодонные. Это льячка из погребения 37 Подболотьевского могильника

Рис. 1. Инструменты для литья из муромских могильников. 1 – льячка из п. 37 Подболотьевского могильника; 2 – льячка из п. 76 Малышевского могильника; 3 – льячка из п. 116 Подболотьевского могильника; 4 – льячка из п. 154 Подболотьевского могильника; 5 – льячка из п. 14 Подболотьевского могильника; 6 – ручка из п. 14 Подболотьевского могильника; 7 – ручка из п. 37 Подболотьевского могильника; 8 – ручка из п. 77 Подболотьевского могильника; 9 – ручка из п. 29 Чулковского могильника (по В.В. Гришакову и др.); 10 – воск из п. 86 Малышевского могильника; 11 – воск из п. 154 Подболотьевского могильника; 12 – воск из п. 37 Подболотьевского могильника; 13 – орех лещина из п. 5 Малышевского могильника; 14 – камешек из п. 154; 15 – скорлупа ореха лещины из п. 154 Подболотьевского могильника. 15 – глина, 69 – железо.

Fig. 1. Foundry tools from Muroma burial grounds. 1 – 1 clay ladle from burial 37 of the Podbolotyeyo burial ground; 2 – clay ladle from burial 76 of the Malyshevo burial ground; 3 – clay ladle from burial 116 of the Podbolotyeyo burial ground; 4 – clay ladle from burial 154 of the Podbolotyeyo burial ground; 5 – clay ladle from burial 14 of the Podbolotyeyo burial ground Podbolotyeyo burial ground; 6 – handle from burial 14 of the Podbolotyeyo burial ground; 7 – handle from burial 37 of the Podbolotyeyo burial ground; 8 – handle from burial 77 of the Podbolotyeyo burial ground; 9 – handle from burial 29 of the Chulkovo burial ground (according to V.V. Grishakov et al.); 10 – wax from burial 86 of the Malyshevo burial ground; 11 – wax from burial 154 of the Podbolotyeyo burial ground; 12 – wax from burial 37 of the Podbolotyeyo burial ground; 13 – hazel nut from burial 5 of the Malyshevo burial ground; 14 – pebbles from burial 154; 15 – hazel nutshell from burial 154 of the Podbolotyeyo burial ground. 15 – clay, 69 – iron.

с овальным ковшиком со слабо выраженным сливом в обе стороны (рис. 1: 1) и экземпляра из погребения 76 Малышевского могильник с овальным ковшиком (рис. 1: 2). У остальных льячек (39 экз.) ковшик плоскодонный, 12 экземпляров из них имеют в плане подтреугольноовальный ковшик со сливом влево (М. 5, 61, 86, 93, 145, 167, 197; П. 106, 116, 123, 143, 172; Ч. 53) (рис. 1: 3) и 15 – эллипсоид-

ный со сливом в обе стороны (К.9, М. 17, 100, 107, 136, 143. 176; П.14, 16. 154, 143 (Гор); Ч. 24, 50, 62) (рис. 1: 4, 5). В силу недоступности форма остальных 12 льячек остается неопределенной.

Льячки имеют втульчатую ручку, что предполагает наличие стержня или палки, которая бы вставлялась в ручку. В ходе последних раскопок Подболотьевского могильника в

погребении 14 был зафиксирован такой стержень, воткнутый в отверстие рукоятки (рис. 2). Стержень железный, подквадратного сечения, с грибовидной шляпкой на противоположном от ручки конце (рис. 1: 6). Аналогичный стержень был зафиксирован около льячек в погребениях 37, 77 этого же могильника (рис. 1: 7, 8). Ранее исследователями не раз отмечалось, что вместе с льячкой обычны находки одного или пары шильев (Никитина, Ефремова, 2012, с. 154–155). В.В. Гришаков, описывая погребение 29 Чулковского могильника отмечает, что около литейных формочек лежал «железный булавовидный остроконечник» (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016, с. 64, рис. 22, 37). На прорисовке вещей из этого погребения изображен стержень, аналогичный подболотьевским (рис. 1: 9). О том, что эти «шилья»-стержни связаны с льячками свидетельствует и то, что их находят рядом, а не там, где обычно в погребении фиксируются шилья – в области пояса. Вероятно, как и в погребении 14, такие стержни вставлялись в отверстие в ручке льячки и так же помещались в захоронение. При помощи таких ручек горячие операции с льячкой выполнялись более безопасно⁴. Ручка становилась длиннее, она лучше выдерживала вес и при помощи, например, рукавицы ее удобнее и безопаснее было держать и вытаскивать из огня. В рассматриваемой выборке стержни-ручки присутствовали в семи захоронениях Подболотьевского, восьми Малышевского и в трех захоронениях Чулковского могильника (табл. 1).

Возможно, в качестве ручки могло быть использовано и шило. Так в погребении 5 марийских могильника Нижняя Стрелка около льячки найдена костяная рукоять шила, в погребении 36 Дубовского могильника льячка с шилом лежали в изголовье (Никитина, 2012б, с. 36, рис. 140; с. 52, рис. 240).

Рис. 2. Находка льячки с ручкой в погребении 14 Подболотьевского могильника in situ.

Fig. 2. The discovery of a ladle with a handle in burial 14 of the Podbolotyvevo burial ground in situ.

В мордовских могильниках в качестве ручки, вероятно, использовался крючок, который часто фиксируется рядом с льячкой и описывается исследователем могильника как блесна (Материальная культура..., 1952, с. 135, 143).

Литейные формочки, выполненные из мергеля, присутствовали в 25 захоронениях (59% от рассматриваемой выборки). Формочки часто сопровождаются находками льячек (19 случаев из 25), за исключением нескольких случаев, когда погребение было разрушено, но и тогда рядом с формочками присутствуют железные стержни – ручки от льячек (П. 77; М. 216; Ч. 29) и, возможно, что стержни символизируют присутствие льячек. Только в трех погребениях льячки отсутствовали и были лишь формочки – в погребении 35 Чулковского могильника (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016, с. 69), в Корниловском и Пятницком могильниках (Селезнев, 1926, с. 27, 39).

Все формы двустворчатые; в погребении обычно фиксируются формочка из двух створок или набор из двух и более форм (М. 143, 193; П. 154), изредка присутствует только одна створка (М. 127). Створки представляли собой небольшие прямоугольные или слегка подтрапезиевидные плитки размерами от 4,5×3,5 до 7×4 см (рис. 3). У большинства створок была одна рабочая поверхность, служившая для отливки бисера диаметром до 1 мм, противоположная створка предназначалась для отливки петелек или иных креплений (рис. 3: 1, 4, 5, 6). В погребении 154 Подболотьевского могильника у одной из форм рабочими были все четыре поверхности створок и они служили для отливки разных изделий: бисерин-гантелек, тройных бисерин, бисерин-бантиков и бляшек-розеток диаметром 5 мм (рис. 3: 2, 3). Эта находка позволяет судить о достаточно широком ассортименте изделий, изготавливаемых литейщиками, но все изделия представляют собой мелкие украшения, предназначенные для обшивания одежды.

Традиция украшать одежду и головные уборы металлическим бисером широко распространена у финно-угорских народов Поволжья в VI–X вв. н.э. и именно эта тради-

Рис. 3. Каменные формочки из Подболотьевского могильника. 1 – погребение 77; 2-6 – погребение 154
 Fig. 3. Stone moulds from the Podbolotyevo burial ground. 1 – burial 77; 2-6 – burial 154

ция порождала спрос на такие изделия, что в свою очередь обусловило применение серийных форм для их отливки (Тавлинцева, 2000, с. 111). По мнению Т.Б. Никитиной, женщины-литейщицы занимались изготовлением только металлической нити и бисера, а также последующей вышивкой одежды, что и определило их роль в средневековом обществе как носителей и хранителей этнических традиций (Никитина, Ефремова, 2012а, с. 339-340). Практика украшать женский муромский костюм вышивкой металлическим бисером прослежена в ходе последних исследований Подболотьевского могильника, когда были зафиксированы остатки оловянного бисера в виде полос или участков в области головы, груди, подола, рукавов и пр. (рис. 4). Украшение одежды оловянным бисером отмечено как в погребениях литейщиц, так и в других женских захоронениях и является вместе с шумящими привесками самым распространенным видом декорирования костюма.

В рассматриваемых погребениях вместе с инструментами для литья встречается сырье в виде слитков или бесформенных остатков металла. В пяти погребениях это слитки или остатки олова зафиксированы около литейных инструментов (П. 154; М. 86; Ч. 24. 29, 30), в погребении 260 Подболотьевского могильника найден только «кусочек свинца» (Городцов, с. 143). Помимо свинца и олова в качестве сырья использовалась медь, что зафиксировано в льячке в Малышевском могильнике (п. 72) и серебро, которое в виде стружки лежало в Чулковском могильнике (п. 62) (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016, с. 65). В качестве сырья могли использоваться обрезки монет, найденные в двух погребениях (М.5; П.106) или монеты (Б1).

Помимо сырья в трех захоронениях зафиксирован воск, который широко использовался финно-угорскими ювелирами для изготовления проволочных нитей или литья по восковой модели (Сарычева, 2005, с. 105;

Рис. 4. Вышивка оловянным бисером головного убора из погребения 57 Подболотьевского могильника. Стрелками показаны места вышивки.

Fig. 4. Embroidery with pewter beads of a headdress from burial 57 of the Podbolotyvevo burial ground. The arrows show the embroidery places.

Сапрыкина, 2010, с. 12–13). В погребении 37 Подболотьевского могильника рядом с льячкой и небольшим кусочком олова обнаружен белесый комочек, вероятно воска, диаметром около 3 см (рис. 1: 12). Кусок воска подтреугольной формы размером около 4 см найден среди комплекса ювелирных принадлежностей в погребении 154 этого же могильника (рис. 1: 11). Тут же были зафиксированы остатки оловянного изделия или слитка. Еще одна находка куска воска известна в погребении 86 Малышевского могильника (рис. 1: 10).

В захоронении литейные принадлежности обычно размещались в изголовье (42%), в области ног (26%), реже в центральной части – около таза или колен (16%). В трех погребениях льячки были в тuesках, которые стояли в изголовье (П. 154, 172, М. 72) (6%). В остальных случаях они зафиксированы в разных местах, в т.ч. в засыпке (10%) (табл. 1).

Вероятно, именно расположение литейных принадлежностей в области головы стало причиной явления, которое было прослежено нами при раскопках Подболотьевского могильника – из девяти захоронений «литейщиц» шесть были разрушены в области головы (п. 14, 16, 37, 122, 123, 143), еще две были разрушены полностью (п. 77, 116) (рис. 5, 6). Не нарушенным оказалось только погребение 154, в котором льячка находилась в лубяном тuesке, а литейные формочки кучкой лежали слева в изголовье.

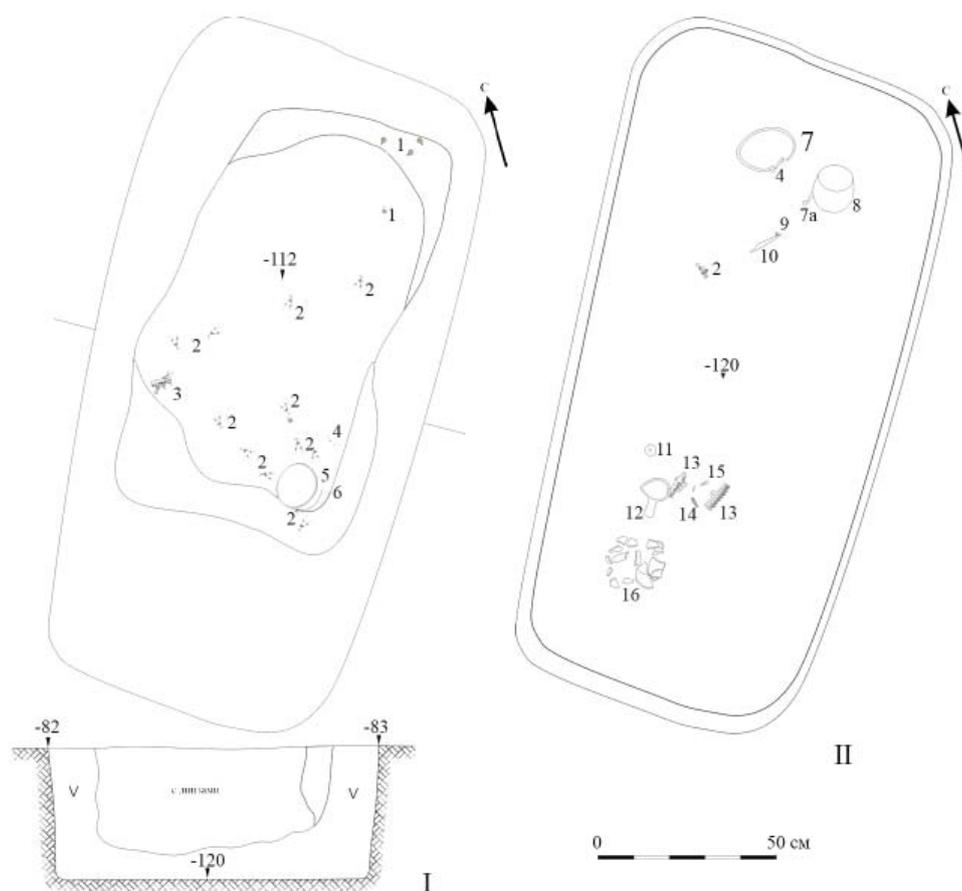
Судя по полевым наблюдениям целостность захоронения была нарушена в древности, о чем свидетельствует характер пятен могильных ям на уровне их обнаружения и заполнения погребений. Пятна могильных ям на уровне материка читались хорошо, но в северной части зачатую прослеживались мало отличающиеся от основного заполне-

ния более темные пятна, которые можно было принять за затеки грунтов. Часть этих пятен продолжала фиксироваться в разрезах (рис. 4: 1). Но в целом заполнение таких ям было достаточно однородным и отличалось только более темным оттенком в северной части. Трехлетние полевые работы и накопившаяся статистика позволяет интерпретировать такие пятна как следы ям, нарушивших целостность захоронения еще в древности. Четкий грабительский вкоп, который первоначально был принят за современную грабилровку, был прослежен единственный раз в северо-восточной части захоронения 16, но, судя по характеру захоронения, он также был выполнен в древности.

В таких погребениях был нарушен анатомический порядок верхней части костяка, украшения головного убора и шеи обычно были разбросаны, иногда и разломаны, горшки, стоящие в изголовье разбиты или перевернуты верх дном, льячки сдвинуты и, зачастую, тоже лежали верх дном (рис. 6). Таким образом, северная часть захоронений оказывалась в хаотичном беспорядке, как будто эта часть была просто разворожена. В то же время южная часть (обычно от груди или с области пояса и до ног) не нарушалась, сопровождающий инвентарь и украшения располагались здесь *in situ* (рис. 6).

Характер разрушений говорит о том, что нарушители имели представление о содержании захоронения и, проникая в него, имели какую-то определенную цель. Эта цель явно не была связана с мародёрством, т.к. фактически весь набор украшений оставался в погребении – головные жгуты, гривны, браслеты, ожерелья и пр., в том числе, нередко и серебряные предметы (монетовидная привеска в п. 116, лунничные височные кольца и перстень в п. 123). Складывается впечатление, что целью было разрушить северную часть погребения – голову и сдвинуть со своего места инструменты для литья.

Эти наблюдения позволяют по-новому взглянуть на погребения литейщиц из Малы-

Рис. 5. Чертеж разрушенного в древности погребения 116 из Подболотьевского могильника: 1 – бубенчик; 2 – привеска; 3 – коньковая подвеска; 4 – привеска; 5 – сосуд; 6 – монетовидная подвеска; 7 – гривна; 8 – сосуд; 9 – перстень; 10 – нож; 11 – пряслице; 12 – льячка; 13 – обувное украшение с петлей; 14 – обувные привески; 16 – развал сосуда. 14, 6, 9, 13. 14 – бронза; 7, 10 – железо; 5, 8, 11, 12, 16 – глина. I – погребение на уровне материка и разрез; II – вскрытое погребение.

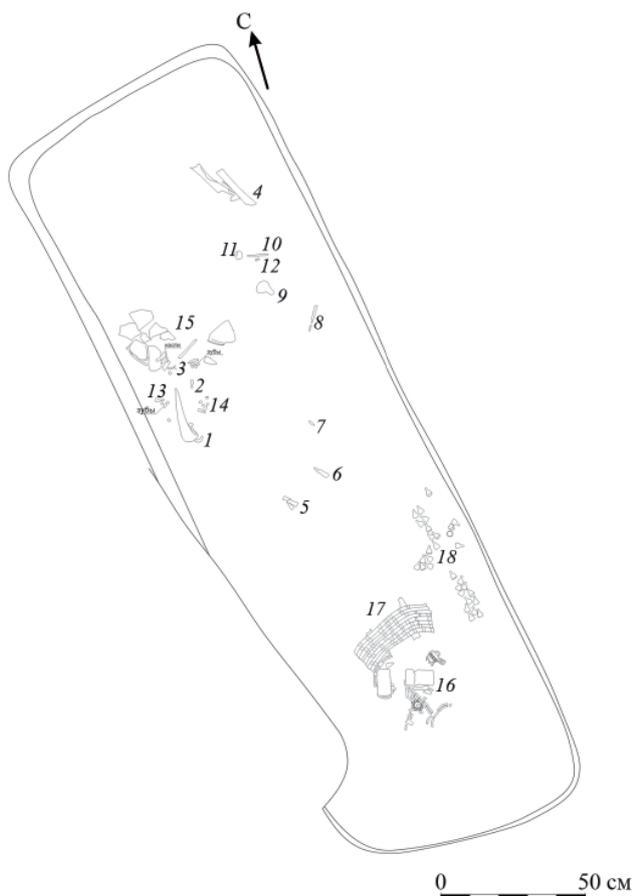
Fig. 5. Drawing of the burial 116 destroyed in ancient times from the Podbolotyev burial ground: 1 – tambourine; 2 – pendant; 3 – pendant in the shape of a horse; 4 – pendant; 5 – vessel; 6 – pendant in the shape of a coin; 7 – torque; 8 vessel; 9 – ring; 10 – knife; 11 – spindle whorl; 12 – clay ladle for pouring molten metal; 13 – shoe decoration with a loop; 14 – shoe pendant; 16 – collapse of the vessel. 14, 6, 9, 13. 14 – bronze; 7, 10 – iron; 5, 8, 11, 12, 16 – clay. I – burial at the level of the virgin soil and section; II – excavated burial.

шевского могильника, о которых А.Ф. Дубынин писал, что порядок в них нарушен и они схожи с кремациями (Дубынин, 1948, с. 103, 110). Семь захоронений с предметами для литья из 16 также были нарушены и, вероятно, тоже в древности (п. 5, 72, 86, 93, 100, 107, 127). Аналогичную ситуацию отмечал В.В. Гришаков при раскопках погребения 53 Чулковского могильника, которое, по его мнению, было нарушено в древности, когда грабители знали, что где лежит (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016, с. 80).

Таким образом, из 44 захоронений литейщиц в муромских могильниках, в древности было разрушено 18 (41%). Возможно, такие действия с захоронениями литейщиц дикто-

вались определенным страхом перед ними и перед знаниями, которыми они обладали, что согласуются с предположением, что эти женщины, были не просто «литейщицами», но и выполняли определенные ритуальные функции, связанные с культовой и бытовой практикой (Никитина, Ефремова, 2012, с. 161–162).

Хронологически погребения «литейщиц» фиксируется на всем протяжении существования муромской культуры. Наиболее ранним из рассматриваемых является захоронение 76 Малышевского могильника, где в области висков присутствовали серебряные браслетообразные височные кольца с обрубленными сомкнутыми концами, известные в ранних

Рис. 6. Чертеж разрушенного в древности погребения 37 из Подболотьевского могильника: 1 – браслета фрагмент; 2 – привеска; 3 – браслета фрагмент; 4 – кости животных; 5 – привески; 6 – обоймица; 7 – пронизка; 8 – шило; 9 – льячка; 10 – стержень; 11 – воск; 12 – олово; 13 – привески; 14 – бусина стеклянная; 15 – развал сосуда; 16 – обувные украшения; 17 – оборы; 18 – колокольчики. 1, 3, 8, 10 – железо; 2, 5, 7, 13, 18 – бронза; 9, 15 – глина.

Fig. 6. Drawing of the burial 37 destroyed in ancient times from the Podbolotyvevo burial ground: 1 – fragment of a bracelet; 2 – pendant; 3 – fragment of a bracelet; 4 – animal bones; 5 – pendants; 6 – carrying slot; 7 – bead separator; 8 – awl; 9 – clay ladle for pouring molten metal; 10 – rod; 11 – wax; 12 – pewter; 13 – pendants; 14 – glass bead; 15 – collapse of the vessel; 16 – shoe decoration; 17 – strings for tying shoes; 18 – bells. 1, 3, 8, 10 – iron; 2, 5, 7, 13, 18 – bronze; 9, 15 – clay.

погребениях Подболотьевского могильника (Зеленцова, Милованов, 2021, с. 16, рис. 3, 6, 7). Это тип 1 височных колец по Ю.А. Краснову, бытовавший в Безводнинском могильнике начиная с первой и до последней стадии, (Краснов, 1980, с. 4344, табл. 13), они известны в Подвьязь в погребениях третьей группы V–VI вв. н.э. (Грибов, 2018, С. 194, рис. 2, 12). В погребении 76 присутствовала округлая пряжка с утолщенной передней рамкой и бусы из глухого красного стекла, датировка которых также укладывается в пределы V–VI в. н.э. (Румянцева, 2005, с. 139). В целом состав погребения синхронизируется с захоронением 134 Безводнинского могильника, где также погребена литейщица (Краснов, 1980, с. 175–176, рис. 24: 1; 28; 35 и др.) Льячка из погребения 76 круглодонная, с округлым ковшом, что отличает ее от льячек последующего времени и является наиболее ранним типом этого инструмента (рис. 1: 1).

Два погребения литейщиц несколько более поздние – это захоронение 167 Малышевского и 143 из раскопок 1910 г. Подболотьевского могильника. В них присутствует головной убор со жгутами небольшого диаметра (до 1

см). На раннюю дату этих погребений указывают и височные кольца с массивными округлыми расплюснутыми концами, а также дротовая гривна с застежкой в виде лодочки и крючка, а также необычная для женского украшения застежка с «крылатой» иглой в погребении 167, которые обычно характерны для мужского костюма и являются воинскими фибулами, демонстрирующими определенный статус погребенного. В малышевском погребении застежка располагалась по месту ношения – в верхней части груди (Дубынин, 1949, с. 18), что необычно для женского костюма и, вероятно, является символом особого положения женщины. Гривна с застежкой лодочкой и застежка с «крылатой» иглой позволяют датировать погребение не позднее первой половины VIII в. (Зеленцова, Милованов, 2021, с. 18, рис. 4). В погребении 143 на груди была нагрудная дисковидная бляха с корпусом, украшенным треугольными прорезями. Бляхи такого типа в древностях мордвы относятся стадии 8, которая датируется концом VII – п.п. VIII в. (Вихляев и др., 2008, с. 140–141).

Самая многочисленная группа погребений с предметами литейного производства относятся к классическому периоду муромской культуры (23 захоронения). Для этих погребений характерен костюмный комплекс, не раз описанный в литературе – головные уборы со жгутами, венчиками с многочисленными височными кольцами муромского типа; боковые ремни с пластинчатыми наконечниками, коромысловидные наспинные

привески, оборы (Голубева, 1987; Тухтина, 1997). В целом погребения с таким костюмным комплексом датируются вт. пол. VIII–IX вв. (Зеленцова, Милованов, 2021, с. 20, рис. 5), периодом наивысшего расцвета культуры, к которому относится наибольшее количество погребений. Поэтому несмотря на то, что к этому периоду относится наибольшее количество погребений литейщиц, их соотношение к женским захоронениям, например, Подболотьевского составляет 8,5%. Представляется, что такое же соотношение сохраняется и для Малышевского могильника.

К следующему хронологическому периоду относится 19 захоронений с предметами для литья, из которых 15 женские. В этот период происходят изменения в костюмном комплексе, а именно вместо головного убора со жгутами распространяется убор с привесками, появляются новые типы ожерелий, гривен, в целом костюмный комплекс «облегчается» и в его составе появляются иноэтничные предметы (бубенчики, перстни и пр.) (Зеленцова, Милованов, 2021, с. 2223, рис. 6, 7). Присутствие монет позволяют отнести погребения этого периода к X в. На материалах Подболотьевского могильника мы фиксируем увеличение процентного соотношения погребений литейщиц по отношению к женским захоронениям этого периода, которое составляет 13,9%, т.е. в этот период больше женщин включается в ювелирное производство. Именно с этим периодом связан обряд разрушения погребений литейщиц: из 15 разрушенных в древности захоронений 11 относятся к этому времени (73%, против 8% в предыдущий период), что говорит о том, что в обществе произошли какие-то изменения, которые отразились на отношении к женщинам-литейщицам.

Возможно, это связано с тем, что литейщицы включаются в товарные отношения, о чем свидетельствуют находки монет, присутствующих в одиннадцати захоронениях (табл. 1). Причем монеты выступают не только как украшения, но и как средство платежа. Так в погребении 154 Подболотьевского могильника один дирхем с петлей был в составе ожерелья, второй найден в области пояса. Целые монеты, без дырок и петелек найдены в области пояса либо в центральной части погребений в погребениях 86, 93 и 100 Малышевского могильника, где их можно рассматривать в качестве платежного средства (Дубынин,

1948, с. 103, 111, 116–117). В Борисоглебском могильнике дирхем обнаружен рядом с льячкой и формочками (Бейлекчи, Бейлекчи, 2021, с. 235–236, рис. 6). Здесь монета может рассматриваться либо как платежное средство, либо как сырье для переплавки.

Подобные процессы вероятно происходили и у соседей муромских племен – в мариийских могильниках в этот период у литейщиц также появляются монеты, которые лежат в кошельке, в области пояса, рядом с литейными принадлежностями, реже – в составе ожерелий (Никитина, 2012б, с. 10, 35, 47; Никитина, 2018, с. 100, 105, 125).

В материалах могильников отсутствуют данные, свидетельствующие о том, что муромки-литейщицы занимались обработкой драгоценных металлов, за исключением погребения 62 Чулковского могильника, где рядом с льячкой и формочкой зафиксирована серебряная стружка (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016, с. 87). Но есть несколько захоронений, которые позволяют поставить такой вопрос. Так погребении 5 Малышевского могильника, где найдена льячка, в изголовье лежал узелок из ткани льна⁵, в котором было 18 фрагментов дирхемов, 7 скорлупок «воложского ореха»⁶ (рис. 1: 13) и 4 медные четырехугольные пластинки, гирьки – по мнению автора раскопок (Дубынин, 1938, с. 16). Использование монетного серебра в качестве сырья для изготовления украшений является общепризнанным фактом и подтверждено материалами древнерусских памятников (Ениосова, Митоян, 2011, с. 92–95), изделиями на мерянском городище Выжегша (Леонтьев, Сапрыкина, 2022, с. 223). В коллекции Подболотьевского могильника присутствуют украшения из высокопробного серебра, получение которого связывается с переплавкой серебряных дирхемов (Сапрыкина, 2014, с. 232). Практика использования резаной монеты в качестве сырья зафиксирована в «кладе ювелира» из Гнездова, где вместе с обрезками монет присутствовали гирьки-разновесы, которые, по мнению исследователя, использовались ювелирами для взвешивания металла, необходимого для изготовления изделия (Пушкина, 2010, с. 148, 151). Находки весовых гирек вместе с обрезками исламского серебра, слитками металла и ювелирными инструментами известны на Рюриковом городище и других древнерусских памятниках (Жуковский,

2022, с. 173–178). К сожалению, в настоящий момент не удалось найти пластинки-гирьки в коллекции Малышевского могильника, и мы не можем однозначно согласиться с предложенной исследователем интерпретацией находки, но присутствие в этом же погребении лесных орехов, которые могли использоваться для юстировки весов или в качестве довесков при процедуре взвешивания позволяют рассматривать эту находку в контексте ювелирного ремесленного комплекса, что вполне согласуется с разноплановой интерпретацией находок инструментов для взвешивания в эту и последующие эпохи (Жуковский, 2022, с. 28, 150).

Похожий комплекс был найден в мужском погребении 106 Подболотьевского могильника. Это погребение выделялось размерами могильной ямы, богатством и разнообразием инвентаря, среди которого присутствовало оружие (копье, топор, пешня, колчан со стрелами), поясной набор с железными накладками и уздечка. В области пояса обнаружена кожаная сумочка с половинкой дирхема, а в области ног, у левой голени погребенного лежали предметы, составляющие единую группу. Вместилище не сохранилось, но создавалось впечатление, что предметы, лежащие друг на друге были положены в какую-то емкость из органического материала. В самом низу лежала льячка, на неё был положен кожаный кошелек с четырьмя обрезками серебряных пластинок, две из которых оказались фрагментами дирхемов. Тут же лежали четыре гирьки, круглый камешек, скорлупа ореха-лещины (рис. 1: 14, 15) и оплавленный кусочек олова. Рядом в кожаном футляре лежали бронзовые складные весы. Данная находка сопоставима с вышеописанным комплексом из погребения 5 Малышевского могильника и, на наш взгляд, может рассматриваться как набор ювелира. В пользу этого говорит присутствие вместе с весами льячки, серебряных пластинок, оловянного слиточка – в емкости было, по крайней мере 3 предмета, связанных с ювелирным делом. Мы не можем достоверно сказать, принадлежал этот набор погребенному или был положен ему в качестве дара, но традиции помещать в мужское захоронения комплексы женских украшений, в том числе с инструментами для литья прослежена и в других погребениях из муромских могильников.

Так в мужское погребение 172 Подболотьевского могильника в лубяную емкость в изголовье был положен комплекс женских украшений, в составе которого были серебряные лунничные височные кольца, ожерелье из привесок с лапками и костяной гребень. Тут же лежал кожаный кошелек с двумя дирхемами и тремя весовыми гирьками, а на дне – глиняная льячка с отбитой ручкой и просверленным дном. У самого мужчины в области пояса в сумочке вместе с кресалом и фитильной трубкой также лежал дирхем. Контекст находки позволяет предположить, что туесок принадлежал женщине, занимавшейся ювелирным производством, которая положила его в мужское захоронение вместе со своими украшениями. Аналогичный комплекс присутствовал в погребении 72 Малышевского могильника – в лубяном вместилище найдены серебряные лунничные височные кольца, височные кольца муромского типа, глазовская гривна и льячка с остатками меди. Сверху все это было прикрыто серебряной чашей (Дубынин, 1948, с. 8788). Мужчине-кузнецу из захоронения 2 Подболотьевского могильника⁷ на грудь положили комплекс женских украшений, а около ног – льячку и створку формочки (Городцов, 1914, с. 76). Таким образом, на сегодняшний день у муромы известно 4 захоронения мужчин с женскими дарами, в составе которых помимо женских украшений присутствуют литейные принадлежности, инструменты для взвешивания и дирхемы. Мужчины, получившие эти дары, были не просто воинами, о чем говорит присутствие у них оружия – копья, пешни, топора и стрел, но выделялись большими размерами могильных ям и присутствием в захоронениях каких-то особых предметов – узды в погребении 106, кузнечных принадлежностей в п. 2 Подболотьевского могильника, серпа, медного котла с деревянным ковшом в погребении 72 Малышевского могильника. Возможно, именно статус этих мужчин и предполагала помещение им в захоронение таких значимых предметов как инструменты для взвешивания и литейные принадлежности, которые были призваны подчеркнуть этот статус и доступ к определенному богатству. Хронологически этот обычай был распространен у муромы, судя по украшениям и находкам монет, в первой половине – середине X в.

В это же время похожий обычай помещать в погребения или в межмогильное пространство в берестяном или лубяном туеске жертвенных комплексов был широко распространён в марийских могильниках. В состав таких комплексов помимо набора женских металлических украшений, одежды, поясов, нередко клали и орудия для литья. Исследователи считают традицию сооружать жертвенные комплексы одним из этно-маркеров марийской средневековой культуры (Никитина, Ефремова, 2012, с. 338). Материалы муромских могильников показывают, что этот обычай был не чужд и для муромы, тем более что традиция женских даров мужчинам имела здесь глубокие корни.

Таким образом институт литейщиц в муромском обществе имеет долгую традицию, и материалы исследованных могильников позволяют проследить его постепенную трансформацию. Необходимо подчеркнуть, что женщины-литейщицы присутствуют у всех поволжско-финских племен эпохи раннего средневековья и обращение к этому занятию, как было отмечено исследователями ранее, было порождено потребностью в большой массе металлического бисера и бляшек, необходимых для вышивки и обшивки женского убора. Так же, как и у марийцев и мордвы производством таких изделий занимались женщины, которые помимо всего прочего становятся и хранителями этнокультурных традиций и знаний. Возможно, причастность к каким-то «особым» знаниям и стала причиной того, что мы фиксируем обычай разрушения погребений литейщиц. Такой обычай появляется в эпоху расцвета

муромской культуры (вт. пол. VIII–IX вв.), когда разрушенными оказываются несколько погребений литейщиц, но в последующий период эта традиция становится массовой и большая часть погребений литейщиц оказались разрушены через какое-то время после погребения. Вероятно, в этот период изменился статус этих женщин в муромском обществе в силу тех изменений, которые произошли в самом обществе. В это время мурома активно включается в международную торговлю, в том числе и сама участвует в дальней торговле и посредством торговли знакомится с древнерусской культурой (Зеленцова, Милованов, 2015, с. 127–129). Вероятно активное включение муромы в торговые отношения, а также изменения в костюмном комплексе стимулировало увеличение спроса на ювелирную продукцию, что привело к увеличению удельного состава литейщиц в муромском обществе на рубеже I–II тысячелетий н.э. Эти процессы в свою очередь стимулировали включение литейщиц в торговые отношения, что доказывается находками монет в этих погребениях, а также инструментов для малых взвешиваний, которые были необходимы как для торговых операций, так и для ювелирных взвешиваний.

Таким образом, женщины-литейщицы в муромском обществе занимались не только ювелирным производством, изготовлением украшений для вышивки, выполнением обрядов и были хранителями этнических традиций, но были той категорией людей в обществе, которая наиболее быстро реагировала на изменения и сама становилась стимулом этих изменений.

Примечания:

¹ В статье приняты следующие сокращения: Подбольевский – П., Подболотьевский из раскопок В.А. Городцова – П.№.Гор., Борисоглебский 1 – Б., Малышевский – М., Чулковский – Ч., Нижневерейский – НВ., Корниловский – К., Пятницкий – Пя; п – погребение, пп – погребения.

² Погребения из Безводнинского и Желтухинского могильников не привлекались, в виду того, что эти памятники относятся к древностям безводнинско-ахмыловского круга.

³ Определения Н.Н. Гончаровой и М.В. Добровольской. Большинство погребений были нарушены в древности поэтому костяки сохранились только в 4х захоронениях.

⁴ Благодарю за консультацию Д.С. Агапова

⁵ Определение и описание автора раскопок – А.Ф. Дубынина (Отчет, 1938, с. 15–16)

⁶ Воложским орехом обычно называли грецкие орехи, но автор раскопок этот термин использовал, очевидно, для определения ореха-лещины, о чем свидетельствует находка целого ореха под №89 в фондах музея им. Бурыйлина. Вероятно, среди скорлупы были и целые орехи.

⁷ Раскопки В.А. Городцова. В захоронении находились клещи, наковальня, молотки (Городцов, 1914)

ЛИТЕРАТУРА

Бейлекчи В.В., Бейлекчи Вал.В. Новые сведения о муромском могильнике у села Борисоглеб // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Ред. О.В. Зеленцова. М.: ИА РАН, 2021. С. 228–241.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология мордовских могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Мордов. ун-т, 2008. 352 с.

Голубева Л.А. Женщины-литейщицы. (К истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 1984. № 4. С. 75–89.

Голубева Л.А. Муромы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 81–92.

Голубева Л.А. Девочки-литейщицы // Древности славян и Руси / Отв. ред. В.А. Тимощук. М.: Наука, 1988. С. 31–34.

Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XXIV. М. 1914. С. 40–216.

Грибов Н.Н. Подвязыевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.) // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 191–199.

Гришаков В.В., Седышев О.В., Сомкина А.Н. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н.э. Чулковский могильник. Саранск: Мордов. гос. пед. Инт, 2016. 178 с.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологических исследованиях Малышевского могильника в с. Малышево Селивановского района Ивановской обл. в 1938 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.35. № 146.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологической экспедиции Ивановского Гос. Педагогического Института в 1945 г. 1946. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 40.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологических исследованиях Малышевского могильника в с. Малышево в 1946 г. 1947. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 52.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологических исследованиях Малышевского могильника в с. Малышево Селивановского района Владимирской обл. в 1947 г. 1948 // Архив ИА РАН. Р-1. № 135.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологических исследованиях Малышевского могильника в с. Малышево Селивановского района Владимирской обл. в 1948 г. 1949 // Архив ИА РАН. Р-1. № 238.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологической экспедиции Ивановского Гос. Пед. Института в 1949 г. 1950 // Архив ИА РАН. Р-1. № 338.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологической экспедиции Ивановского Гос. Пед. Института в 1950 г. 1951 // Архив ИА РАН. Р-1. № 475.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Арабское серебро как источник сырья для славянских и скандинавских ювелиров (по материалам Гнездовских кладов X века) // От палеолита до Средневековья. Сборник памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Отв. ред. В.Л. Егоров. М.: МГУ, 2011. С. 90–95.

Жуковский М.О. Инструменты и практика малых взвешиваний в Древней Руси (IX–XIII вв.). М.: Наука, 2022. 381 с.

Зеленцова О.В., Милованов С.И. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. Сб. статей к 60-летию акад. Н.А. Макарова. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: ИА РАН; Древности Севера, 2015. С. 122–134.

Зеленцова О.В., Милованов С.И. К планировке Подболотьевского могильника // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Ред. О.В. Зеленцова. М.: ИА РАН, 2021. С. 12–29.

Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 220–240.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.

Леонтьев А.Е., Сапрыкина И.А. Цветная металлообработка на городище Выжегша // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 217–236.

Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII–IX вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 гг.) / Археологический сборник. Т. III / Ред. А.П. Смирнов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. 176 с.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Погребальный обряд с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 146–165.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Женщины-«литейщицы» из марийских захоронений X–XI вв. как носители этнической традиции // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2012а. С. 336–344.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань: ИИ АН РТ, 2012б. 408 с.

Никитина Т.Б. Русенихинский могильник / Археология Евразийских степей. 2018. №. 3. Казань: ИИ АН РТ, 256 с.

Пушкина Т.А. Клад «ювелира» периода викингов с территории Верхнего Поднепровья // Arheologija un etnografija. Laid 24 Riga, 2010. S. 147–153.

Румянцева О.С. Бусы Никитинского могильника // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энгватова А.В. Никитинский могильник. Публикация материалов 1977–78 гг. М.: ИА РАН, 2005. С. 127–140.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР, 1948. 792 с.

Савельева Э.А. Особенности погребений женщин-литейщиц на нижневычегодском Чежтыягском могильнике // Известия Коми научного центра УРО РАН. Серия «История и филология». 2023. № 1 (59). С. 7–18.

Сапрыкина И.А. Реконструкция основных приемов изготовления выплавляемых моделей для литья ювелирных украшений дьяковской культуры // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6 / Отв. Ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2010. С. 11–18.

Сапрыкина И.А. Предварительные результаты исследования химического состава цветного металла VIII–X веков из Подболотьевского могильника // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 230–234.

Сарычева Т. Г. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энгватова А.В. Никитинский могильник. Публикация материалов 1977–78 гг. М.: ИА РАН, 2005. С. 103–122.

Селезнев Ф.Я. Археологические исследования в окрестностях Муром. Культура финнов средней Оки // Материалы по изучению Владимирской губернии / Ред. А.И. Иванова. Владимир: Призыв, 1926. С. 21–49.

Тавлинцева Е.Ю. К вопросу о металлическом бисере в рязаноокских могильниках (по материалам Шокшинского могильника) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 109–115.

Тухтина Н.В. Женский головной убор (По материалам Подболотьевского могильника) // Археологический сборник. Погребальный обряд / Труды ГИМ. Вып. 93 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1997. С. 109–121.

Уткин А.В., Черников В.Ф. Муромский могильник близ села Нижняя Верея на Нижней Оке // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Уткин. Иваново: Управление культуры Ивоблисполкома, 1992. С. 13–27.

Информация об авторе:

Зеленцова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); olgazelentsova2010@yandex.ru

REFERENCES

Beilekchi, V. V., Beilekchi, Val. V. 2021. In Zelentsova, O. V. (ed.). *Finno-ugorskie drevnosti vtoroy poloviny I – nachala II tysyacheletiya n.e. Materialy nauchnogo seminar «Podbolot'evskiy mogil'nik: 100 let issledovaniyu» (Finno-Ugric Antiquities of the Second Half of the I – Beginning of the II Millennium AD. Materials of the Scientific Seminar “The Podbolotyevsky Burial Ground: 100 Years Of Research”)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 228–241 (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiya mordovskikh mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Mordovian Burial Grounds of the 1st–14th Centuries Population in the Western Part of the Middle Volga Area)*. Saransk: Mordovia State University (in Russian).

Golubeva, L. A. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 75–89 (in Russian).

Golubeva, L. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 17. Moscow: "Nauka" Publ., 81–92 (in Russian).

Golubeva, L. A. 1988. In Timoshchuk, V. A. (ed.). *Drevnosti slavyan i Rusi (The antiquities of the Slavs and Old Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ., 31–34 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1914. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society) XXIV*, 40–216 (in Russian).

Gribov, N. N. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 1*, 191–199 (in Russian).

Grishakov, V. V., Sedyshev, O. V., Somkina, A. N. 2016. *Muromskie plemena pravoberezh'ya Oki v posledney chetverti I tys. n.e. Chulkovskiy mogil'nik (Murom tribes of the right bank of the Oka in the last quarter of the I millennium AD. Chukovsky burial ground)*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute (in Russian).

Dubynin, A. F. 1938. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Malyshevskogo mogil'nika v s. Malyshevo Selivanovskogo rayona Ivanovskoy obl. v 1938 g. (Report on the archaeological studies of the Malyshevo burial ground in the village of Malyshevo in the Selivanovo district of the Ivanovo region in 1938)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 35, no 146 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1946. *Otchet ob arkheologicheskoy ekspeditsii Ivanovskogo Gos. Ped. Instituta v 1945 g. (Report on the archaeological expedition of the Ivanovo State Pedagogical Institute in 1945. 1946)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 40 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1947. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Malyshevskogo mogil'nika v s. Malyshevo v 1946 g. (Report on the archaeological studies of the Malyshevo burial ground in the village of Malyshevo in 1946)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 135 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1948. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Malyshevskogo mogil'nika v s. Malyshevo Selivanovskogo rayona Vladimirskey obl. v 1947 g. (Report on the archaeological studies of the Malyshevo burial ground in the village of Malyshevo of the Selivanovo district in the Vladimir region in 1947. 1948)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 135 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1949. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Malyshevskogo mogil'nika v s. Malyshevo Selivanovskogo rayona Vladimirskey obl. v 1948 g. (Report on the archaeological studies of the Malyshevo burial ground in the village of Malyshevo of the Selivanovo district in the Vladimir region in 1948. 1949)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 238 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1950. *Otchet ob arkheologicheskoy ekspeditsii Ivanovskogo Gos. Ped. Instituta v 1949 g. (Report on the archaeological expedition of the Ivanovo State Pedagogical Institute in 1949. 1950)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 338 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1951. *Otchet ob arkheologicheskoy ekspeditsii Ivanovskogo Gos. Ped. Instituta v 1950 g. (Report on the archaeological expedition of the Ivanovo State Pedagogical Institute in 1950. 1951)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 475 (in Russian).

Eniosova, N. V., Mitoyan, R. A. 2011. In Egorov, V. L. (ed.). *Ot paleolita do Srednevekov'ya. Sbornik pamyati G.A. Fedorova-Davydova (From the Paleolithic to the Middle Ages. Collection dedicated to the memory of G.A. Fedorova-Davydov)*. Moscow: Moscow State University, 90–95 (in Russian).

Zhukovsky, M. O. 2022. *Instrumenty i praktika malykh vzveshivaniy v Drevney Rusi (IX–XIII vv.) (Tools and practice of small weighing in Old Rus (IX–XIII centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zelentsova, O. V., Milovanov, S. I. 2015. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura (Towns and Villages of Medieval Russia: Archaeology, History, Culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 122–134 (in Russian).

Zelentsova, O. V., Milovanov, S. I. 2021. In Zelentsova, O. V. (ed.). *Finno-ugorskie drevnosti vtoroy poloviny I – nachala II tysyacheletiya n.e. Materialy nauchnogo seminara «Podbolot'evskiy mogil'nik: 100 let issledovaniy» (Finno-Ugric Antiquities of the Second Half of the I – Beginning of the II Millennium AD. Materials of the Scientific Seminar "The Podbolotyevsky Burial Ground: 100 Years of Research")*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 12–29 (in Russian).

Zelentsova, O. V., Saprykina, I. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 23 (1)*, 220–240 (in Russian).

Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu ranne-go srednevekov'ia* (*Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Leont'ev, A. E., Saprykina, I. A. 2022. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 266, 217–236 (in Russian).

Smirnov, A. P. (ed.). 1969. *Material'naia kul'tura sredne-tsninskoi mordvy VIII–XI vv. (po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927–1928 gody)* (*Material Culture of the Mordva People of the Middle Tsna Area: Based on the Materials from P. P. Ivanov's Excavations in 1927–1928*). Series: *Arkheologicheskii sbornik* (*Archaeological Collection of Papers*) III. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya* (*Volga River Region Archaeology*) (2), 146–165 (in Russian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* (*Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition*) VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 336–344 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia* (*Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area*). Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2018. *Rusenikhinskiy mogil'nik* (*Rusenikha burial ground*) In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 3 (in Russian).

Pushkina, T. A. 2010. In *Arheologija un etnografija*. Laid 24, 147–153 (in Russian).

Rumyantseva, O. S. 2005. In Voronina, R. F., Zelentsova, O. V., Engovatova, A. V. *Nikitinskiy mogil'nik. Publikatsiya materialov 1977-78 gg. (Nikitino burial ground. Publication of materials 1977-78)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 127–140 (in Russian).

Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo Drevney Rusi* (*Craft of Ancient Rus*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Savel'eva, E. A. 2023. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 59 (1) 89–97 (in Russian).

Saprykina, I. A. 2010. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara* (*Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar*) 6. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 11–18 (in Russian).

Saprykina, I. A. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 236, 230–234 (in Russian).

Sarycheva, T. G. 2005. In Voronina, R. F., Zelentsova, O. V., Engovatova, A. V. *Nikitinskiy mogil'nik. Publikatsiya materialov 1977-78 gg. (Nikitino burial ground. Publication of materials 1977-78)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 103–122 (in Russian).

Seleznev, F. Ya. 1926. In Ivanova, A. I. (ed.). *Materialy po izucheniyu Vladimirskey gubernii* (*Materials on the study of the Vladimir Governorate*). Vladimir: "Prizyv" Publ., 21–49 (in Russian).

Tavlintseva, E. Yu. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennyye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia* (*A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology*). Series: *Proceedings of the State Historical Museum* 122. Moscow: State Historical Museum, 109–115 (in Russian).

Tukhtina, N. V. 1997. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad* (*Archaeological Collection of Papers. Burial Rite*). Series: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* (*Proceedings of the State Historical Museum*) 93. Moscow: State Historical Museum, 109–121 (in Russian).

Utkin, A. V., Chernikov, V. F. 1992. In Utkin, A. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Volgo-Klyaz'minskogo mezhdurech'ya* (*Archaeological sites of the Volga-Klyazma interfluve*). Ivanovo: Department of Culture of the Regional Executive Committee, 13–27 (in Russian).

About the Author:

Zelentsova Olga V., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; olgazelentsova2010@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.